

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. С. Иссерс О. S. Issers
Омск, Россия Омск, Russia

**«КРЕМЛЕВСКИЙ РЕПОРТАЖ»:
СТАРЫЙ ЖАНР В НОВОЙ РАМКЕ**

Аннотация. Рассматривается изменение традиционного жанра официального репортажа. Обсуждаются приемы создания иронических смыслов и языковой игры в репортажах о визитах президента и премьер-министра. Демонстрируется трансформация одного из канонических жанров официальной журналистики.

Ключевые слова: репортаж; ирония; жанр; рефрейминг.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

**«KREMLIN REPORTAGE»:
OLD GENRE IN A NEW FRAME**

Abstract. Changes in traditional genre of official reportage are researched in the article. Ways of ironic sense creation and language games in the reportages on president's and prime-minister's visits are discussed. The bottom line: one of the canonic journalistic genre is being transformed.

Key words: reportage; irony; genre; reframing.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Там, где была ирония, больше света и больше истины.
В. Янкевич

Важнейшую роль в процессе формирования и трансформации имиджа высших должностных лиц государства играют средства массовой информации. В России освещением деятельности верховного руководства занимается так называемый *кремлевский пул* — аккредитованные журналисты крупных печатных изданий, телеканалов, радиостанций и информационных агентств. Журналисты «кремлевского пула» присутствуют на всех значимых российских событиях, проходящих с участием первого лица государства, сопровождают президента в ходе его визитов. Пул существовал при Б. Н. Ельцине, В. В. Путине, продолжил свою работу при Д. А. Медведеве и вновь избранном в 2012 г. В. В. Путине [См.: Кремлевский пул].

За годы существования кремлевского пула традиционный журналистский репортаж о событиях с участием главы государства трансформировался в новый жанр — «кремлевский репортаж». Впервые это обозначение жанра появилось в предисловии А. Васильева к книге А. Колесникова «Я Путина видел» [Колесников 2005а: 3]. В дальнейшем эта дискурсивная практика нашла продолжение в репортажах А. Колесникова, собранных в книгу «Меня Путин видел» [Колесников 2005б] и «Раздвоение ВВП: Как Путин Медведева выбрал» [Колесников 2008]. Сегодня такого рода материалы раз-

ных авторов регулярно публикуются в федеральных СМИ («Коммерсантъ», «Российская газета», «Ведомости» и др.) и региональных изданиях. В связи с этим закономерно поставить вопрос о жанровой специфике «кремлевского репортажа» (или, шире, официального) и степени его трансформации по сравнению с «каноническим» жанром.

В научной литературе изучение особенностей такого информационного жанра, как репортаж, обычно ограничивается кратким описанием истории его становления и перечнем практических рекомендаций по написанию [Тертычный 2005; Мельник, Ким 2006 и др.]. В то же время феномен «кремлевского репортажа», сформировавшегося в последнее десятилетие, еще не был предметом специального лингвистического анализа.

Это определило цель исследования — изучить пути становления и жанровые признаки современного кремлевского репортажа, а также определить его роль в формировании имиджа первого лица государства. Материалом послужили статьи А. Колесникова, опубликованные в изданиях издательского дома «Коммерсантъ» в 2005—2009 гг. и его книге «Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал» (М., 2008), а также публикации в других изданиях, отвечающие канонам «нового старого» жанра.

В соответствии с традиционной классификацией журналистских жанров, репортаж — это «публицистический жанр, дающий наглядное представление о событии через непосредственное восприятие автора — очевидца или участника события» [Тертычный 2005: 156]. Задача любого репортажа заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца-журналиста, т. е. создать так называемый эффект присутствия [Шибяева: 55].

За годы советской власти в СССР сложился жанр репортажа, освещающего события официальной государственной жизни. По своей идеологической и жанровой сути он близок к ритуалу. Известно, что ритуализация политической коммуникации была наиболее естественной формой замены реальной политики в то время [Купина 1995; Советское прошлое... 2009]. Однако она не удовлетворяла и не могла удовлетворить все потребности социума. Как следствие, в СССР сформировалась особая «культура подтекста»: если чисто ритуальные формы не несли актуальной информации, то дополнительную семантическую нагрузку брали на себя иные составляющие коммуникативного взаимодействия — порядок следования тем в диалоге, отсутствие упоминания или, наоборот, упоминание тех или иных лиц, событий и пр. [Баранов, Казакевич 1991: 10]. Кардинальное изменение политической жизни на постсоветском пространстве поменяло многое и в общественных ритуалах, и в коммуникативных стилях членов социума. Однако среди меняющегося социального и языкового ландшафта долгое время сохранялись заповедные уголки, не затронутые ветрами перемен. К ним можно отнести репортажи о работе первых лиц государства. Большинство официальных информационных сообщений об их деятельности и визитах строились по моделям, освоенным на протяжении предшествующих лет. Однако стремление современных СМИ к расширению диалога с читателем, сокращению дистанции между изданием и его адресатом, активная диффузия жанров и стилей не могли обойти стороной и этот «заповедный жанр».

Сопоставление типических признаков жанра традиционного официального репортажа и кремлевского репортажа начала XXI в. позволило увидеть отличительные особенности последнего и выявить приемы иронического описания событий, характерные для трансформированного жанра. Все эти приемы подчинены главной задаче — «писать о президенте интересно», как несколько лет

назад подчеркнул бывший главный редактор «Коммерсанта» А. Васильев. Изучение фактического материала показывает, что структура репортажа, стилевые особенности, расставленные акценты определяются не только спецификой самого издания, его форматом, целевой аудиторией, но и установкой (стратегией), дискурсивным стилем журналиста. В этом смысле публикации А. Колесникова представляют яркий образец нового «кремлевского репортажа». Определение его жанровых особенностей и стратегий — задача наших дальнейших наблюдений и анализа.

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ.

С точки зрения «глобального намерения» (по Т. ван Дейку) цель репортажа о высших лицах государства носит не только информационный, но и регулятивный характер. Задача журналиста не просто рассказать о событиях, в которых участвует президент или премьер-министр, но **закрепить в модели мира адресата представления о выполняемой ими миссии, вызвать эмоции одобрения государственной политики и сопричастности ей** (выделение наше — О.И.). При этом роль репортера традиционно заключалась в максимальном приближении к объективной картине события и минимизации собственного «присутствия в кадре». Примером подобного официального репортажа может служить фрагмент следующего сообщения:

Накануне юбилейного Дня шахтера Владимир Путин поздравил с праздником свыше 500 горняков и ветеранов отрасли. Президент заверил, что власти не бросят их, если грянет кризис, да и в более спокойные времена будут помогать.

<...> „Шахтеры заслужили такое внимание со стороны государства и наших граждан. Это без преувеличения праздник настоящих тружеников, сильных, смелых людей, которые всегда подставят плечо в трудное время и на которых можно положиться“, — сказал президент. „Вы действительно люди крепкой, проверенной породы“, — добавил он, отменив традиции настоящего братства горняцких династий. „Горняки никогда страну не подводили и в будущем никогда не подведут, будут добиваться максимальных результатов“, — уверен Путин.

„Шахтерский, горняцкий хлеб никогда не доставался легко. Он добывается потом, а порой, к сожалению, и кровью“, — продолжил глава государства. Напомнив о проблемах, с которыми пришлось столкнуться в 90-х годах, когда „кое-кто пытался поставить точку на отрасли, объявив

ее бесперспективной», он констатировал, что сейчас угледобыча и горнорудное дело в России уверенно развиваются благодаря господдержке и в первую очередь шахтерскому труду [Латухина 2012].

В репортажах А. Колесникова задача формирования имиджа сохраняется, но фокус смещается с «объективной» фиксации деятельности главного персонажа в сторону «возбуждения эмоции одобрения». И решается эта задача принципиально иными способами, чем раньше. Стратегию журналиста можно назвать иронико-эмпатической (от психологического термина *эмпатия*, означающего способность к постижению эмоционального состояния другого человека, эмоциональную рефлексивность индивида). С одной стороны, в репортажах очевидна ироническая позиция комментатора событий, с другой — это позиция не оппонента, но человека «из своего лагеря», не «чужого», а готового поставить себя на место главного действующего лица и не скрывающего симпатии к нему.

Остановимся на приемах создания иронической модальности как дискурсивной доминанты нового жанра и журналистского стиля Андрея Колесникова.

В чем обнаруживает себя ироническая интенция автора репортажей? Ответ на этот вопрос тесно связан с природой иронии и ее проявлениями.

В современных концепциях иронии традиционно выделяются эстетический и лингвистический подходы [Масленникова 1999; Походня 1989; Сергиенко 1994; Саниева, Давыдов 2000; Санников 1999; Чернец 2001]. Разнообразие философских, литературоведческих, лингвистических концепций иронии связано с ее мировоззренческой неустойчивостью. «Невозможно мыслить иронию не ироническим способом, а только вводя это понятие внутрь своего собственного принципа; не существует метаязыка, на котором можно определить данный феномен», — уверен Е. А. Найман [Найман 1994: 7]. О недостаточной разработанности методов анализа иронического текста говорит и В. В. Дементьев, отмечая возможность различного определения базовой единицы категории иронии и ее коммуникативного либо когнитивного характера [Дементьев 2000: 184].

Современная лингвистика рассматривает иронию в двух аспектах: как стилистическую фигуру и как явление, возникающее в акте коммуникации. В свете наших задач последний аспект представляет наибольший интерес. Он был обозначен почти два десятилетия назад в работе С. И. Походни: «В силу своей многогранности ирония сопря-

гает семантику языковых единиц с их естественным коммуникативным окружением» [Походня 1989: 8]. По мнению ученого, иронические смыслы указывают «на наличие сложных корреляций семантики слов со всей текстовой ситуацией в целом, <...> утверждая тем самым иронию как элемент мировоззрения, отношение индивидуума к миру» [Там же: 116].

Эту исследовательскую линию продолжает А. А. Масленникова, отмечая, что в сфере коммуникации иронические смыслы включают проявления эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету коммуникации или адресату, начиная от отношения говорящего к смыслу собственных слов до желания или нежелания осуществлять коммуникацию [Масленникова 1999: 24].

В связи с проблемой иронии в современной лингвистике обсуждаются различные фигуры и феномены двусмысленной речи: антифразис и астеизм, диалогия (каламбур), цитация, парадокс, эвфемизация, звантисемия и др. [Москвин 2002; Санников 1999; Чуич 1994 и др.]. К лингвокогнитивным механизмам создания иронического смысла, на наш взгляд, следует отнести и процедуру рефрейминга [См. об этом: Иссерс 2009: 216—229]. Большинство из перечисленных выше приемов находит применение в иронических репортажах А. Колесникова.

«КТО, ГДЕ, КОГДА»: ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ РАМКИ СИТУАЦИИ. Когнитивные стратегии производства текстов новостей (к которым относится и репортаж) существенно отличаются от стратегий производства других текстов. Основной принцип, которой обуславливает трансформацию события в газетный текст, — это принцип релевантности (значимости) тех или иных тем для читателя и издания [Дейк 1989]. Заголовок, вводка и содержание текста представляют собой сложное единство, которое функционирует по иным законам, нежели, например, учебные или научные тексты. В связи с этим в типологии газетных заголовков выделяются однопавленные заголовки, отражающие лишь один содержательный элемент текста, и комплексные, отражающие два и более элементов текста; неполноинформативные (пунктирные), в которых присутствует только сигнал о предмете речи или его признаке, и полноинформативные [Лазарева 2004: 28—39].

В статьях А. Колесникова заголовок в большинстве случаев относится к типу однопавленных неполноинформативных, поскольку отражает не основную событийную информацию, а один эпизод, далеко не самый существенный. Указанная особенность построения текста нередко использу-

ется для повышения выразительности публикации, создания интриги и является типичным приемом в СМИ [Добросклонская 2008; Клушина 2003 и др.].

В публикациях А. Колесникова заголовок, по сути, является провокационным приемом выстраивания диалога с читателем, своего рода «игрой в интерпретацию», предложением догадаться о возможных темах новостного дискурса. Поскольку заголовок обладает функцией усиления вынесенной в заглавие темы, он является обычным механизмом трансформации исходных событий и высказываний в журналистском тексте [Ср.: Гловинская 1998]. В результате у читателя складывается собственная семантическая макроструктура события, в которой наиболее значимые с информационной точки зрения аспекты не всегда оказываются на вершине.

Многие из заголовков публикаций А. Колесникова основаны на трансформации фразеологизмов, прецедентных высказываний и оставляют читателю так называемую «ироническую свободу» (И. Осиновская) поиска смысла, не ограниченную рамками официального репортажа: *Владимира Путина вывели на чистую воду* (о строительстве очистных сооружений в Ростове-на-Дону), *Свой среди армян* (о выступлении на учредительном съезде Всемирной армянской организации), *Александр Лукашенко заработал на чай* (о том, что в Кремле после переговоров с президентом Белоруссии Лукашенко ввиду дефицита времени отменили обед и устроили «ритуальное чаепитие»), *Владимир Путин подсластил Ахмаду Кадырову* (о визите А. Кадырова в сочинскую резиденцию; в материале вскользь упоминается, что «господин Кадыров пил чай с сахаром, а Путин — без») и т. п.

Специфически «колесниковское» моделирование рамки официальной ситуации начинается с заголовка и продолжается в первом абзаце новостного текста — в вводке, или лиде (от англ. *lid* 'крышка' — прим. ред.). Сложившаяся на протяжении многих десятилетий практика отечественной печати требует в официальном репортаже четкого и однозначного обозначения места, времени и участников событий. На первый взгляд, у А. Колесникова эта традиция находит продолжение: *29 августа президент России Владимир Путин прилетел в Италию на остров Сардиния*. Однако следующая после канонически хронологического зачина фраза разрушает сложившийся стереотип, ломая рамку серьезной модальности официальной хроники: *Какая же все-таки это неблагодарная работа — освещать визиты прези-*

дента России! Пора, наконец, сказать об этом во весь голос. Часами ждать и надеяться, ждать и надеяться... А он опаздывает, и это неотвратимо, как судьба. А потом он появляется, и это еще хуже, потому что начинается эта безумная гонка наперегонки со временем, и ты понимаешь, что это время уходит как песок сквозь пальцы... [Колесников 2005: 39].

Прием ломки стереотипа классической репортажной вводки заключается в том, что вместо главных действующих лиц репортажа «в первом акте» на авансцену выходит журналист — со своими эмоциями, рефлексией, ассоциациями: *19 августа президент России Владимир Путин, поднявшись в воздух с аэродрома Летно-исследовательского института имени Чкалова в городе Жуковском после посещения авиасалона „МАКС-2003“, прилетел в Курск, чтобы отпраздновать вместе с его жителями 60-летнюю годовщину Курской битвы. Как я убедился, исход этой битвы до сих пор неясен* Там же: 32]; *21 июля президент России Владимир Путин в простом русском городе Петрозаводске сделал то, что до него удалось только одному человеку. Человека этого звали, как известно, Иисус Христос* [Там же: 19].

3 сентября президент России Владимир Путин посетил с рабочим визитом очистные сооружения города Ростова-на-Дону. А до него все это пришлось нюхать мне (там же: 46).

Продолжая апробированную уже в первом абзаце стратегию ломки стереотипов, автор применяет тактику расширения контекста события, включая в него самые неожиданные сюжеты и зарисовки: как ожидали журналисты первых лиц государства, как происходили приветствия, какова «сцена действия», что было «до того» и т. д. Например, репортаж с ежегодной пресс-конференции В. Путина в Кремле начинается так: *Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным. В партере не хватало свободных мест. К тому же участники мероприятия, попав в зал, долго не могли согреться* [Колесников 2008: 36].

Репортаж о встрече в 2005 г. президента России с мэром Москвы Юрием Лужковым, которому было поручено стать сопредседателем Совета мудрецов России и Японии, начинается с воспроизведения пространного диалога ее участников, не имеющего, на первый взгляд, информационной насыщенности, а лишь анонсирующего тему. Однако именно через это «замедление» репортажного сюжета журналист легко вычленяет сверхзадачу встречи.

Судя по тому, с каким энтузиазмом оба участника встречи подчеркивали, что господин Лужков нынче в отпуске, встреча носила откровенно предвыборный характер.

— Я знаю, вы в отпуске, — мягко произнес господин Путин.

— Да, — с беззаботной улыбкой отпустил подтвердил господин Лужков.

— Тогда мы не будем обсуждать хозяйственные и внутривнутриполитические вопросы.

— Нет, не будем, — неторопливо покачал головой господин Лужков.

— А обсудим международные проблемы! — предложил президент.

— Конечно, — со светлой улыбкой согласился мэр.

В самом деле, разве можно предложить отпуски более увлекательную и легкомысленную тему для разговора? [Колесников 2005: 221].

Как не раз было замечено, «контекст сегодня является важнейшим из искусств» (А. Архангельский), и практика «нового репортажа» подтверждает зависимость рассматриваемого жанра от мастерства создания широкого контекста.

ПРАВО НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ. К числу содержательных составляющих, которые формируют широкий контекст, можно отнести и активное проявление в журналистских текстах официальной тематики личностного начала, что труднопредставимо в традициях классического кремлевского репортажа. Это отсылки к личному опыту, описание собственных вопросов и их мотивов, иронические оценки и комментарии, метакоммуникационные ремарки, предположения о чувствах и мыслях героев. Можно сказать, автор предлагает читателю своего рода «игру в интерпретацию», оставляя за собой право на субъективизм, вольное истолкование, намеренное отступление от законов жанра и логики репортажного сюжета.

Телеведущий Дм. Киселев поинтересовался, как готовилось президентское послание и на каком этапе появилась эта фраза — „товарищ волк знает, кого кушать“.

В. Путин ответил удивительно подробно. Мне показалось, он вообще-то очень хотел об этом рассказать. Ему нечего было стыдиться того, как готовилось это послание, ибо единственным его автором, как можно было понять из этого увлекательного рассказа, был он сам [Колесников 2008: 23].

«Чтение в сердцах», как называл одну из полемических уловок С. И. Поварнин, здесь применяется с особой целью — создания эмпатии: автору нужно заставить читателя

стать ближе к герою репортажа, испытать его психологическое состояние, понять ход мыслей. Однако по законам иронии автор не сливается со своим героем, а дистанцируется от него, обнажая не только «державные» мысли и чувства главы государства, но и те, которые составляют его личные черты как частного лица, индивида. Заметим, что дистанцирование, ироническое отстранение, по мнению И. А. Осинской, является одним из ярких признаков писателя-ироника [Осинская 2002: 268].

Маркерами иронической интерпретации слов и действий героя выступают показатели субъективной модальности и авторской эмоциональной оценки: *А Владимиру Путину надо было, казалось, что-то делать. Может быть, следовало отказать от собственного приветственного слова. Его ведь, думал я, на глазах всего мира делают единомышленником в деле освободительной борьбы мусульманского мира против иудейского. <...> Владимир Путин, видимо, считал, что критическое мгновение пока не наступило. <...> Выступление Владимира Путина было очень позитивным, прозрачным и эффективным. Он не сказал ничего такого, что могло бы задеть хоть кого-нибудь не только в этом зале, но и на этом свете. Да и на том тоже* [Колесников 2005: 164].

Недекларированным, но «узаконенным дискурсивной практикой» правом на интерпретацию А. Колесников пользуется постоянно, о чем, в частности, свидетельствует обилие поясняющих конструкций:

Чрезвычайно интересным был рассказ о том, как готовилось послание.

— Для начала я просто сформулировал то, что хотел бы сам увидеть, руководству администрации, — сказал президент. — Получил, так сказать, предварительный макет этого послания. Коллеги на меня обидятся... Я посчитал, что он не соответствует тому, о чем я хотел бы сказать.

То есть президент прямо сказал, что его администрация с задачей не справилась, хотя задача на первый взгляд не отличалась особенной сложностью. Надо было всего-навсего обработать мысль президента [Колесников 2008: 25].

Заметим, что президент высказал свою мысль отнюдь не прямо, однако журналист-интерпретатор придал ей форму категоричного утверждения, усилив негативную оценку исполнителей.

К интерпретационным приемам иронического письма Андрея Колесникова можно отнести и контекстуальный рефрейминг,

направленный на переосмысление события за счет смещения фокуса читательского внимания и изменения рамки ситуации [См. об этом подробнее: Иссерс 2009]. В результате официальные события обретают совсем иное, вплоть до эротического, содержание.

Российский президент и итальянский премьер-министр встали возле красной ленточки, которую предстояло перерезать двумя ножницами, лежащими на серебряном подносе. Поднос держала в руках девушка по имени Оксана.

Оксану отобрала для этой церемонии фирма Merloni из нескольких десятков девушек, работающих в модельных агентствах. Почти все и без того немногочисленные пуговицы на одежде Оксаны были растегнуты, и от этого ей было холодно. А многим рядом с ней, конечно, жарко — от этого же [Колесников 2010: 113].

Близким по сути иронической трансформации приемом является обыгрывание метафоры, не просто разрушающее серьезную тональность официальной хроники (встреча со спортсменами-олимпийцами), а переводящее событие в весьма фривольную плоскость:

Двухкратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Анастасия Давыдова, стоя рядом с Владимиром Путиным и приманивая его четырьмя блестящими мормышками на языке (чей-то извращенный ум когда-то назвал то, что она с собой сделала, красивым словом „пирсинг“), произнесла ответное слово от имени спортсменок. Мормышки во рту не мешали сказать ей, что в великой стране с таким великим президентом, как Владимир Путин, должны быть только великие победы.

Владимир Путин, кажется, клюнул [Там же: 115].

Негласные правила «интерпретационной игры», предлагаемой А. Колесниковым читателю, допускают не только вольную, но и ошибочную интерпретацию, в которой автор не стесняется признаться: *Я решил было, что мы (российские журналисты — О. И.), значит, вредны, но выяснилось, что президент не закончил [Там же: 35].*

Особенностью трансформированного жанра является авторская рефлексия, которая регулярно фокусируется не только на содержании речей главного лица официального репортажа, но и на невербальных характеристиках (интонационных, ритмических, паралингвистических и др.), актуальных для создания его имиджа. Так, в репор-

таже о встрече президента В. Путина с сотрудниками ВГТРК, где задавалось немало острых вопросов, вкрапление «метакоммуникационных ремарок» является регулярным: *Владимир Путин сделал небольшую паузу — кажется, только для того, чтобы набрать в легкие побольше воздуха [Там же: 32]; Владимир Путин, кажется, наконец-то выдохнул. Но нет, показалось [Там же: 33]; Ключевой в ответе была, разумеется, последняя фраза [Там же: 28]; Президент, видимо, хотел сказать, что они (западные журналисты — О. И.) на порядок компетентнее российских, но, как и в послании, говоря про волка, сдержался [Там же: 35].*

При этом журналист нередко полемизирует с нежелательными для образа героя интерпретациями потенциальных недоброжелателей (известный в искусстве спора прием создания оппонента-чучела), однако и полемика эта обретает ироническую окраску, провоцируя читателя на необходимый авторский вывод:

В этот момент в цех наладки вошел президент Российской Федерации Владимир Путин. Воды на полу в некоторых местах было уже по щиколотку, и она постоянно продолжала прибывать. Путь к отступлению мгновенно оказался отрезан. Но Владимир Путин и не собирался отступать. <...>Что должен был сделать президент страны, претендующей на то, чтобы снова стать великой? То же, что и сделал Владимир Путин: пойти по воде. И он пошел.

Злые языки скажут, что если бы не близкий старт предвыборной кампании, то, может, Владимир Путин повел бы себя по-другому. Может, он пожелал бы, оставшись на парашюте, выслушать подробный рассказ о принципах действия бумагоделательной машины. Может, придумал бы что-нибудь еще. Но мне все-таки кажется, что в тот драматичный для всей истории нашей страны момент, когда все могло остановиться на парашюте или даже повернуть вспять, президент меньше всего думал о своем рейтинге. В лучшем случае он думал о том, удастся ли потом спасти ботинки [Колесников 2005: 19—22].

Поскольку заголовок содержит аллюзию на известный библейский сюжет (*Владимир Путин попал в аварийную ситуацию. И пошел по воде аки по сушу*), включение в репортаж интерпретации замысла главного героя в контексте его якобы судьбоносного для страны решения обретает почти комический смысл.

В числе излюбленных интерпретационных приемов А. Колесникова, эксплуатирующих жанр пересказа, — редукция смысла, заложенного в словах героя репортажа: *...Таким образом, подтвердилось подозрение, в которое очень не хотелось верить: мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник. Самая главная угроза исходит, как всегда, от нас самих* [Колесников 2008: 23]; *Во время пресс-конференции Владимир Путин еще несколько раз возвращался к деятельности правительства, и было очевидно, что эта деятельность — то немногое, что не впечатляет его в современной российской действительности* [Там же: 25].

Скажи, чтоб я тебя увидел. В сферу иронических смыслов вовлекаются и речевые характеристики героев. Автор, как легко предположить, намеренно включает в текст дословные цитаты, ярко маркирующие героя его репортажа: *Только сейчас сотрудника ЦРУ, как у нас говорят, упаковали* [Колесников 2008: 27].

Наибольший эффект в создании полноцветного имиджа главы государства дают прецедентные слова и высказывания, представленные, с одной стороны, яркими, образными выражениями, а с другой — штампами и канцеляритом: *Зачем распахивать по районным больницам дорогостоящее оборудование? — спросил он. — Чтобы деньги смылить?* [Колесников 2005: 19]; *Президент, таким образом, предупредил, что до марта 2008 года его не надо считать „хромой уткой“* [Колесников 2008: 30]; *Президент похвалил действия Центробанка и заметил, что за правительством есть еще „должок по судостроению“* [Там же: 34]; *Господин Путин поздравил собравшихся с юбилеем и сказал, что „продукт, который ВГТРК предоставляет в наше распоряжение“, является очень важным для страны, „которая находится на переломном пути своего развития, и здесь каждое слово имеет значение для миллионов людей“* [Там же: 22]; *Я буду ответственно относиться к исполнению своего долга до последней минуты исполнения обязанностей президента страны* [Там же: 29].

В аспекте анализа приемов создания иронических контекстов интересно вспомнить об «ироническом умолчании» и «ироническом бездействии» [Осиновская 2002: 255—262]. В рассматриваемых текстах репортажей многие выразительные в плане

имиджевых характеристик высказывания остаются без авторского комментария, тем самым читателю предоставляется возможность самостоятельно обнаружить имплицированные смыслы (о функциях цитаты в медиатексте см. подробнее см.: [Варченко 2012: 104—110]).

Яркой приметой дискурсивного стиля А. Колесникова является рефлексия по поводу лексического и — шире — языкового выбора героев репортажей: *Впервые он назвал события в Чечне не просто войной, а гражданской войной. Очевидно, президент мог позволить себе это, ибо считал, что в этой войне уже есть победитель* [Колесников 2008: 24]; *Первый вопрос был о судьбе директора сельской школы А. Поносова, которого судят за то, что он закупил для своих учеников компьютеры с нелегальным программным обеспечением. Президент, заявив, что он не в курсе этой истории (во что, впрочем, верится с трудом, ибо тогда это означает, что он вообще не смотрит телевизионные новости и не читает газет), при этом с готовностью прокомментировал эту ситуацию: „Чушь собачья!“ В наших условиях это равносильно приговору за отсутствием состава преступления. С этой точки зрения, я считаю, сразу окупилась все расходы на проведение этого затратного мероприятия* [Там же: 31]; *Владимиру Путину так не нравилось слово „преемник“, что начинало казаться, будто саму идею насчет преемника и, может, даже само слово „преемник“ придумали журналисты* [Там же: 35].

Шутливо о серьезном: выбор слова и приемы языковой игры. Журналист Колесников не только прицельно работает с чужим словом, но и весьма раскованно осуществляет выбор своего, авторского: обозначения главных действующих лиц его репортажей и их действий, атрибутов и деталей ситуативного контекста находятся на грани дозволенного негласными правилами официальной хроники.

После этого господину Путину дали немалого передохнуть. Журналистка бальзаковского возраста в матроске юнги назвала господина Путина „несравненным“ и тут же получила то, что хотела: он признался, что она его смущает. Они ворковали друг с другом еще некоторое время [Колесников 2008: 41].

О появлении президента на пресс-конференции: **Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным** [Там же: 36].

1 марта состоялась церемония объявления лауреата одной из главных нацио-

нальных премий — должности премьер-министра страны [Колесников 2005: 357].

Войдя, президент, как обычно, поздоровался за руку со всеми участниками заседания. Первым за его руку подержался депутат „Яблока“ Владимир Лукин. Как только президент отошел, господин Лукин, до этого довольно бодро бегавший вокруг стола (совет все-таки по физкультуре), как подкошенный рухнул в кресло, в то время как остальные дожидались, пока президент не обойдет весь стол. <...> Я даже, например, встревожился, не отнялись ли после этого рукопожатия у господина Лукина ноги [Там же: 127].

Одним из действенных способов создания иронии является переосмысление узального значения лексемы через придание слову каламбурной многозначности (см. об этом: [Санников 1999: 506]). Развернутые «псевдоэтимологические» толкования слов являются еще одним ресурсом иронического репортажа. Так, в сообщении из Таиланда журналист размышляет о тайцах, вынужденных стоять в дорожных пробках: **Терпимость, заложенная Буддой в этих людях, все время дает о себе знать. Так, они с легкостью терпят присутствие на улицах антиглобалистов. Антиглобалисты — тоже почти все тайцы. Их мало, и сами они очень терпеливые люди. Ведь для того, чтобы сидеть маленькими кружочками целый день под палящим тридцатипятиградусным солнцем и ревущими монорельсами в каменных джунглях, которые представляет собой этот далекий город Бангкок, и никого ни о чем не просить и вообще ни на чем не настаивать, нужно очень много терпения. И вот они терпят — по сути, самих себя** [Колесников 2005: 167].

К числу традиционных способов создания иронического смысла, описанных в основном в исследованиях разговорной речи и языковой игры, относится «эксплуатация» системных отношений в лексике. Новый кремлевский репортаж открыт для игр со словом, использующих ресурсы полисемии, омонимии, антонимии, многозначности, стилистического контраста, а также нарушения лексической сочетаемости: *...мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник* [Колесников 2008: 23]; о саммите, на который не смогли прилететь российские бизнесмены: *Наши люди могли, конечно, переждать бую в какой-нибудь комфортабельной пус-*

тыне по соседству с Таиландом, а потом смерти вопреки все же долететь до делового саммита. Но оказалось, что у олигархов есть гордость. Они улетели в Москву. В душах их теперь мерцает огонь мщения. Похоже, черные дни настают для тайского бизнеса. Не придут в него российские инвестиции [Колесников 2005: 169].

Языковая игра обнаруживается и в использовании грамматически контрастных форм (прием, детально описанный Е. Н. Ремчуковой [Ремчукова 2005]): *Я тем временем поглядел на руководство парламентского большинства. Эти люди сидели, сгрудившись за столом с видом заговорщиков, чей разговор зрел медленно и печально и вот созрел* [Колесников 2005: 354].

Завершая краткий обзор приемов работы со словом в репортаже об официальных событиях с участием высших должностных лиц государства, уместно вспомнить меткое замечание В. З. Санникова по поводу относительной самостоятельности языковых шуток: «...в отличие от юмора и, в какой-то степени, от иронии и сатиры, которые в ряде случаев читаются между строк, как бы разлиты по всему тексту, <...> словесная шутка сохраняет автономию в структуре произведения и может быть извлечена из него [Санников 1999: 23]. Однако наши наблюдения за иронической стратегией репортажей А. Колесникова свидетельствуют об обратном: будучи извлеченными из контекста ситуации и жанра, многие примеры языковой игры теряют свой комический потенциал.

Обобщая наши наблюдения за стратегией переосмысления традиционного журналистского жанра в его «кремлевской» разновидности, попробуем сделать некоторые выводы.

Публикации А. Колесникова, написанные им в период пребывания в «кремлевском пуле», явились мощным толчком, разрушающим стереотипы одного из канонических жанров отечественной журналистики. Это не значит, что все современные репортажи о российской политической жизни обрели ироническую тональность, — отнюдь нет. Однако элементы «иронической свободы» стали все чаще обнаруживаться и в такой строго регламентированной области, как официальный кремлевский репортаж.

В контексте наших размышлений об особенностях новой дискурсивной практики, апробированной А. Колесниковым и подхваченной другими журналистами, нельзя не вспомнить идею американского исследователя Р. Рорти о «конечном словаре личности». Под ним подразумевается словарный

запас человека, которым он способен выразить всю свою систему представлений. Ироник же «всегда и беспрестанно сомневается в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время, потому что на него уже произвели впечатление другие словари. <...> Противоположность иронии — здравый смысл. Ибо это пароль тех, кто бессознательно описывает важное в терминах конечного словаря, к которому они <...> привыкли» [Рорти 1996: 103—104]. Разрушение (или расширение?) «конечного словаря», будто бы окончательно приспособленного для описания отдельных фрагментов картины мира (в нашем случае — официальной жизни высших должностных лиц государства), происходит в дискурсивных практиках.

Наблюдение за особенностями современных кремлевских репортажей позволяет говорить о том, что изменение установки журналистов «описывать важное в терминах конечного словаря» активно влияет и на процесс формирования, укрепления или трансформации имиджа первых лиц государства.

Изучение функционирования «нового старого» жанра официального репортажа актуально как в свете технологий создания имиджа президента, премьер-министра, членов правительства, так и в аспекте формирования новых практик современного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. — М., 1991.
2. Варченко В. В. Цитатная речь в медиатексте. — М.: Либроком, 2012.
3. Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка. — М., 1998. С. 14—30.
4. Дейк ван Т. Структура новостей в прессе // Язык, познание, коммуникация. — М., 1989. С. 228—267.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов, 2000.
6. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. — М.: КДУ, 2008.
7. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива: коллект. моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. С. 216—229.
8. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 195—210.
9. Кремлевский пул. Жизнь президентского обо-

12.07.2010).

10. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реализации. — Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995.

11. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Екатеринбург, 2004. С. 28—39.

12. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1999.

13. Мельник Г. С., Ким М. Н. Методы журналистики: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006.

14. Москвин В. П. Фигуры двусмысленной речи // Русский язык в школе. 2002. № 2. С. 86—90.

15. Найман Е. А. Онтологизм иронии // Проблемы исследования знания и культуры. — Томск, 1994. Рукоп. деп. В ИНИОН РАН. Деп. № 49627. С. 72—76.

16. Осиневская И. А. Поэтика иронии // Труды членов Рос. филос. о-ва. — М., 2002. Вып. 2. С. 254—290.

17. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. — Киев, 1989.

18. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. — М.: Изд-во РУДН, 2005.

19. Рорти Р. Случайность, Ирония и Солидарность. — М., 1996.

20. Саниева И., Давыдов В. Ирония. История вопроса // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. тр. — М., 2000. Вып. 12. С. 54—69.

21. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999.

22. Сергиенко А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Г. Гейне) // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы. — Саратов, 1994. С. 157—163.

23. Советское прошлое и культура настоящего: моногр. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2.

24. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. — М., 2005.

25. Чернец Л. В. Ирония как стилистический прием // Русская словесность. 2001. № 5. С. 69—72.

26. Чуич Н. Н. Парадоксы интерпретации «иронического текста» // Понимание и интерпретация текста. — Тверь, 1994. С. 123—129.

27. Шibaева Л. В. Жанры в теории и практике журналистики. URL: <http://www.library.cjes.ru> (дата обращения: 19.08.2011).

ИСТОЧНИКИ

28. Колесников А. Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбирал. — М.: «Коммерсант»: Эксмо, 2008.
29. Колесников А. Меня Путин видел. — М., 2005б.
30. Колесников А. Я Путина видел. — М., 2005а.
31. Колесников А. Фарс-мажор-2. — М., 2010.
32. Латухина К. Под острым углом // Российская газета. 2012. 20 авг. № 5864. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/20/shahtery-site.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов